

НЕДОБРОСОВЕСТНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ
НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛКИ:
PRO ET CONTRA

В. А. Гончарова

Юридический институт Томского государственного университета

Поступила в редакцию 3 сентября 2018 г.

Аннотация: рассматривается проблема теоретической и политико-правовой обоснованности признаваемой на уровне Верховного Суда РФ практики признания сделок недействительными по основанию недобросовестного поведения ее сторон. Основываясь на общетеоретическом понимании принципа права, учения о классификации правовых норм, автор приходит к выводу о недопустимости существования подобной судебной практики, о необходимости использования основания ничтожности сделок в виде их противоречия существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательств для признания недействительными сделок с нарушением требования добросовестного поведения.

Ключевые слова: недобросовестность, недействительность сделки, ничтожность сделки, судебная практика, правовой принцип, противоречие существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательств.

Abstract: the author considers the problem of theoretical and political-legal validity of the practice of recognizing bargains as invalid on the basis of unfair behavior of its parties recognized by the Supreme Court of the Russian Federation. Based on the general theoretical understanding of the principle of law, the doctrine of the classification of legal norms, the author comes to the conclusion that it is inadmissible for such court practice to exist and emphasized the necessity of using the basis of invalidity of bargains in the form of their contradiction to the essence of legislative regulation of the type of obligation to invalidate bargains violating the requirement of good faith conduct.

Key words: bad faith, invalidity of the bargains, insignificance of the bargain, judicial practice, legal principle, contradiction of the essence of legislative regulation of the type of obligations.

2018. № 4

Согласно п. 3 ст. 1, п. 1 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно; не допускается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Нарушение приведенных законодательных запретов, устанавливающих недопустимость недобросовестного поведения участников гражданских правоотношений, традиционно рассматриваются судебным правоприменителем

в качестве основания недействительности сделки по основанию противоречия закону (ст. 168 ГК РФ)¹. В настоящее время данное положение формально легализовано на уровне Верховного Суда РФ: так, в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» содержится указание на то, что если совершение сделки нарушает запрет, установленный п. 1 ст. 10 ГК РФ, в зависимости от обстоятельств дела такая сделка может быть признана судом недействительной (п. 1 или 2 ст. 168 ГК РФ). Аналогичные по содержанию положения содержатся в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 ГК РФ о перемене лиц в обязательстве на основании сделки»: если сторона, осуществляя право на одностороннее изменение условий обязательства или односторонний отказ от его исполнения, нарушила свою обязанность действовать разумно и добросовестно (п. 3 ст. 307, п. 4 ст. 450.1 ГК РФ), одностороннее изменение условий обязательства или односторонний отказ от его исполнения могут быть признаны ничтожными (п. 2 ст. 10, п. 2 ст. 168 ГК РФ)².

В ряде случаев судами указывается исключительно на ничтожность как форму недействительности сделки при нарушении требования ст. 10 ГК РФ: так, в определении Верховного Суда РФ от 30 августа 2016 г. № 5-КГ16-119 отмечается, что злоупотребление правом по своей правовой природе является нарушением запрета, установленного ст. 10 ГК РФ, поэтому такое злоупотребление, допущенное при совершении сделок, влечет их ничтожность как не соответствующих закону³.

¹ Начало подобной практики было положено Высшим Арбитражным Судом РФ (см.: Пункт 9 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 ; п. 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 ; постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 мая 2008 г. № 15756/07 ; от 24 июня 2014 г. № 3894/14 и др.). Следует отметить, что после легализации в рамках гражданского законодательства принципа добросовестности в качестве самостоятельного начала гражданско-правового регулирования, ссылка исключительно на ст. 10 ГК РФ в качестве единственной императивной нормы, нарушаемой совершенной сделкой и служащей основанием для ее недействительности, видится не совсем обоснованной. На это уже обращалось внимание в литературе (см., например: *Скловский К. И.* Применение права и принцип добросовестности // *Вестник экономического правосудия.* 2018. № 2. С. 94–118).

² Выбранная Верховным Судом РФ линия в толковании нашла отражение на уровне рассмотрения им конкретных дел (см. определения Верховного Суда РФ: от 20.09.2016 № 49-КГ16-18 ; от 29.03.2016 № 5-КГ16-28 ; от 08.12.2015 № 5-КГ15-179), что, однако, признавалось не всегда (определение Верховного Суда РФ от 11.11.2014 № 9-КГ14-7).

³ Аналогичный вывод содержится в определении Верховного Суда РФ от 26.10.2015 № 305-ЭС15-8046 по делу № А41-42990/2011.

Подход, допускающий квалификацию недобросовестности⁴ как основания недействительности сделки, нашел поддержку в юридической литературе. Так, согласно позиции А. Г. Карапетова, совокупное применение ст. 10 и ст. 168 ГК РФ выступает эффективным способом пресечения случаев явного злоупотребления правом. В качестве обоснования распространенности такого правоприменительного решения автор называет предсказуемость наступления недействительности сделки как реакции на злоупотребление, ее естественный и понятный для участников оборота характер в отличие от предусмотренного законом на этот случай отказа в защите права. При этом только недействительность с ее правовыми последствиями, по мнению автора, может защитить права третьего лица в тех случаях, «когда обе стороны сделки, совершая ее, злоупотребили своим правом во вред интересам такого третьего лица»⁵. Оспаривание сделки по основанию недобросовестного поведения одной ее стороны или обеих сторон при этом выступает «субсидиарным и резервным»⁶ основанием недействительности, специальным, дополняющим в необходимых случаях общую совокупность таких оснований. К сфере возможного применения ст. 10 ГК РФ в совокупности со ст. 168 ГК РФ относятся, по мнению А. Г. Карапетова, сделки во вред кредитору, акты недобросовестной интервенции третьих лиц в чужие договорные отношения, сделки, совершенные на вопиюще аномальных условиях, а также связанные со злоупотреблением доверием и зависимым положением, эксплуатацией неопытности в делах.

Н. В. Тололаева также считает возможность оспаривания сделок по основанию недобросовестности способом борьбы с явно аномальными сделками в гражданском обороте и указывает на потребность наличия

⁴ Следует признать, что вопросы о понятии и юридическом содержании добросовестности и недобросовестности, формах последней, правовой природе злоупотребления гражданскими правами как проявления недобросовестного поведения являются одними из самых обсуждаемых в отечественной правовой доктрине последних лет. В ряду важных исследований по данной тематике следует отнести следующие диссертационные работы: *Белоножкин А. Ю.* Содержание и формы злоупотребления субъективным гражданским правом : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005 ; *Дерюгина Т. В.* Теоретические проблемы в сфере осуществления субъективных гражданских прав : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Волгоград, 2010 ; *Поротникова О. А.* Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002 ; и др. Целью настоящей статьи не является детальный и критический взгляд на существующие доктринальные воззрения по обозначенным проблемам, связанным с толкованием положений ст.10 ГК РФ. За основу для формулирования выводов взяты лишь некоторые цитируемые далее работы, сходные по существу сделанных выводов, что не исключает возможности анализа обозначенных проблем добросовестности с иных, имеющих в литературе позиций.

⁵ Сделки, представительство, исковая давность : постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2018. С. 511.

⁶ Там же.

в законодательстве общей оговорки о том, что «в ряде исключительных случаев совершение сделки, хотя оно и не выполняет гипотезу какой-либо нормы о недействительности, все равно не будет иметь правового значения как противоречащее добросовестности (справедливости)»⁷.

Вместе с тем есть основания полагать, что подобный выработанный судебной практикой и поддержанный некоторыми авторами подход не является ни теоретически, ни практически обоснованным.

С позиции цивилистической доктрины добросовестность выступает формой оценки поведения участников гражданского оборота на соответствие его неким, отличным от правовых, критериям. Добросовестность в объективном смысле⁸ представляет собой «известное внешнее мерило, которое принимается во внимание законом, судом, применяющим закон, и которое рекомендуется членам гражданского оборота в их взаимных отношениях друг с другом»⁹. По утверждению И. Б. Новицкого, добрая совесть с этимологических позиций «таит в себе такие элементы, как: знание о другом, о его интересах; знание, связанное с известным доброжелательством; элемент доверия, уверенность, что нравственные основы оборота принимаются во внимание, что от них исходит каждый в своем поведении. Вместе с тем принципом доброй совести выражаются связанность, согласованность отдельных частных интересов, а также частного интереса с интересом целого; подчинение каждого равномерно идее общего блага, поскольку она проявляется или отражается на отношении между данными лицами»¹⁰.

В современной литературе требование¹¹ добросовестности толкуется и определяется в том же значении. Так, А. В. Волков отмечает, что субъек-

⁷ *Тололаева Н. В.* Соотношение некоторых оснований недействительности сделки // Судья. 2015. № 10. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». Аналогичной позиции придерживается Г. Адамович (см.: *Адамович Г.* Злоупотребление правом как основание признания сделки недействительной // Корпоративный юрист. 2009. № 35. С. 51–55).

⁸ Наряду с объективным, традиционно выделение так называемого субъективного смысла добросовестности – «определенное сознание того или иного лица, неведение некоторых обстоятельств, с наличием которых закон считает возможным связать те или иные юридические последствия» (*Новицкий И. Б.* Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»). Об этом также см.: Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М., 2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ *Новицкий И. Б.* Указ. соч.

¹⁰ Там же.

¹¹ Важно отметить, что в литературе существует обоснованная позиция о необходимости строгого терминологического разграничения таких категорий, как «принцип добросовестности» и «добросовестность», при этом предполагается раскрытие принципа добросовестности через установленное законом требование добросовестного поведения (см.: *Соломин С. К., Соломина Н. Г.* Добросовестность в гражданском праве. М., 2018. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант»).

ект права как наделенный свободой действий, свободой выбора юридических механизмов реализации прав, свободой усмотрения может и должен быть ответственным за надлежащее осуществление своего субъективного гражданского права именно таким образом, который идентичен общему смыслу и назначению гражданского права. В концепции А. В. Волкова добросовестность выступает собирательной формой здравого, адекватного, честного поведения, структурной стороной которого является разумность, а недобросовестность представляет собой «скрытую эксплуатацию норм гражданского права, извращение содержания предоставленных лицу возможностей, знание того, что он нарушает закон»¹².

Несколько отличной позиции придерживается А. В. Коновалов, по мнению которого добросовестность в объективном смысле представляет собой достаточно абстрактную и многоплановую модель поведения, вырабатываемую судебной практикой в качестве общего ориентира и стандарта, применяемого всякий раз с учетом конкретных обстоятельств дела, – то самое стандартное честное и конструктивное поведение, ожидаемое правопорядком от обычного участника гражданского общества в сходных (типичных) обстоятельствах¹³.

Общим в изложенных подходах является понимание добросовестности как определенного стандарта поведения участников гражданских правоотношений, связанного с уважительным и бережным отношением к реализации собственных прав, исполнением обязанностей. Именно такую позицию по существу занял Верховый Суд РФ, отметив в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ», что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации¹⁴.

¹² Волков А. В. Злоупотребление гражданскими правами : проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 16.

¹³ Об этом см.: Коновалов А. В. Еще раз к вопросу о понятии добросовестности // Рос. судья. 2018. № 1. С. 15–21.

¹⁴ Данная позиция к интерпретации добросовестности критикуется в литературе. Так, В. В. Витрянский отмечал, что «вряд ли возможно считать обязательным атрибутом добросовестного поведения участников гражданского оборота во всех случаях оказания какого-либо содействия другой стороне соответствующего правоотношения. Это утверждение верно для сторон договорных обязательств, но весьма сомнительно, когда речь идет о признаках добросовестного поведения потерпевших в деликтном или кондикционном обязательстве по отношению к причинителю вреда или приобретателю чужого имущества либо собственника в правоотношении, связанном с истребованием своего имущества от незаконного владельца» (Витрянский В. В. Реформа гражданского законодательства : промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»). Вместе с тем в настоящее время в юридической литературе существуют позиции о недопустимости распространения принципа добросовест-

Таким образом, добросовестность выступает дополнительным, наряду с правомерностью, критерием оценки поведения участников оборота, сущностным ориентиром, позволяющим суду проанализировать действия таких участников не с позиции соответствия нормативно-правовым предписаниям, а с точки зрения их гармонирования с хозяйственной логикой функционирования и организации рынка, отношением к контрагентам и исполнением ими взятых на себя обязательств.

Закрепленное в п. 3 ст. 1, п. 1 ст. 10 ГК РФ требование добросовестного поведения в виде недопущения любых форм злоупотребления правом, возведенное в ранг императивного законодательного предписания, действительно способно навести на мысль о возможности признания недействительными всех сделок, где данное требование нарушается. Однако важно подчеркнуть, что не любая правовая норма, сформулированная как долженствование и возлагающая определенную обязанность на участников соответствующих правоотношений, будучи нарушенной, может выступать основанием недействительности сделки по смыслу ст. 168 ГК РФ. Учету должна подлежать классификация правовых норм, их оценка с позиции содержания, роли и места в механизме правового регулирования¹⁵.

Традиционным для отечественной теории права является понимание правовой нормы как общеобязательного правила социального поведения, установленного или санкционированного государством, выраженного публично в формально-определенных предписаниях, как правило в письменной форме, и охраняемого органами государства путем контроля за его соблюдением и применением предусмотренных законом мер принуждения за правонарушения¹⁶. В совокупности всех имеющихся в системе отечественного законодательства норм особое место занимают при этом те, которые устанавливают исходные начала (принципы) или общие определения для всего национального права в целом или для отрасли права, иначе говоря, отправные, учредительные, нормы-декларации¹⁷, определяющие основы и тенденции законодательного регулирования.

Провозглашенный в п. 3 ст. 1 ГК РФ принцип добросовестности и недопустимость недобросовестного поведения (ст. 10 ГК РФ) выступает, по справедливому утверждению Н. Б. Щербакова, средством обеспечения справедливости выносимых судебных решений¹⁸, способом учета и принятия во внимание правоприменителем не только соответствия закону

ности на сферу охранительных обязательств (см.: *Соломин С. К., Соломина Н. Г.* Указ. соч.).

¹⁵ Об этом см.: *Кузнецова О. А.* Специализированные нормы российского гражданского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007.

¹⁶ См.: *Проблемы общей теории права и государства : учебник / под общ. ред. В. С. Нерсесянца.* 2-е изд., пересмотр. М., 2017. С. 275.

¹⁷ См.: Там же. С. 287.

¹⁸ См.: *Гражданский кодекс РФ. Постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / Б. М. Гонгало [и др.] ; под ред. П. В. Крашенинникова.* М., 2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

действий участников гражданских правоотношений, но и их сущностной стороны, характеризующей отношение субъектов права к имеющимся у них субъективным правам. Любое поведение, находящееся в сфере регулирования частного права, построенного на началах автономии воли и свободы договора¹⁹, закономерно нуждается в анализе не только с позиций правомерности или неправомерности, подобно строгому публичному праву, но предполагает в силу собственной лишь частичной государственной урегулированности необходимость и другого – содержательного, глубинного критерия оценки поведения субъектов права – добросовестности. Любое правомерное поведение может быть как добросовестным, так и недобросовестным, в зависимости от фактических действий участников конкретных правоотношений.

Установление требования действовать в обороте добросовестно, осуществлять свои права, не допуская злоупотреблений в отношении третьих лиц и своих непосредственных контрагентов, является не чем иным, как декларативным предписанием, отражающим специфику частноправового регулирования общественных отношений и предполагающим дополнительный критерий оценки поведения субъектов гражданского права. По справедливому утверждению Д. А. Матанцева, поскольку гражданско-правовое регулирование является сферой господства частного интереса и усмотрения субъектов права, закономерно возникновение проблемы злоупотребления правом как особой формы неправового поведения, находящегося на стыке правонарушения и правомерного осуществления прав²⁰. Добросовестность в связи с этим является для судебного правоприменителя еще одним, факультативным, но важным, способом оценки поведения участников гражданских правоотношений, автономным от критерия правомерности их действий и влекущим особые правовые последствия в динамике реализации субъективных прав и обязанностей, отличные от квалификации сделки как недействительной и незаконной²¹.

На обозначенное качество требования добросовестного поведения уже обращалось внимание в литературе: так, по удачному выражению А. В. Волкова, «норма ст. 10 ГК РФ носит двойственный характер: по сво-

¹⁹ Об этом см., например: *Шарифуллин Р. В.* Частноправовое регулирование : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006.

²⁰ См.: *Матанцев Д. А.* Злоупотребление правом в гражданско-правовых обязательствах // Бюллетень нотариальной практики. 2011. № 4. С. 4. Об этом также см.: *Фоков А. П.* Современная доктрина и гражданское законодательство // Рос. судья. 2013. № 6. С. 2–7.

²¹ На это обращает внимание и К. И. Скловский (см.: *Скловский К. И.* Применение права и принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия. 2018. № 2. С. 94–118), указывая, однако, что недопустимость оспаривания сделок по основанию недобросовестности ее участников объясняется качеством самого требования добросовестности как принципа, который, по мнению автора, пронизывает все сферы гражданско-правового регулирования и который невозможно нарушить по определению, поскольку принцип не является нормой права.

ей внешней форме – это императивная, запрещающая норма, но по занимаемому месту в системе гражданского права – это норма-гарантия, отвечающая за качественное использование элементов гражданско-правовой системы в условиях неопределенности правового регулирования, когда невозможно или затруднительно применить специальную норму права (с конкретными границами) либо когда эта норма сама стала «жертвой» своего формализма»²².

Подобной трактовке полностью соответствует избранная законодателем основная «реакция» на факт недобросовестного поведения – отказ в защите права (п. 3 ст. 10 ГК РФ), в литературе определяемая как санкция относительно-определенного характера, предполагающая возможность для правоприменителя выбрать конкретную форму отказа в защите права, которая «в необходимой мере соответствует характеру данного конкретного случая»: отказ в принудительном осуществлении права; отказ в конкретном способе защиты; лишение правомочий на результат, достигнутый путем недозволенного осуществления права; лишение субъективного права в целом и др.²³ С критическими замечаниями данной дефиниции выступает М. А. Егорова, обращающая внимание на то, что суд, отказывая недобросовестному лицу в защите его права, не лишает его ни субъективного права, ни принудительной возможности его осуществления, по существу, только блокирует такую возможность, тем самым наказывая недобросовестное лицо за его поведение по отношению к контрагенту и третьим лицам²⁴.

Данную позицию следует признать обоснованной, дополнив ее указанием на то, что отказ в защите права является гражданско-правовой санкцией, обусловленной существом недобросовестного поведения: отказывая в защите права, суд не вмешивается в динамику возникших обязательств, сохраняя тем самым спорное правоотношение неизменным, в такой его стадии и в таком распределении прав и обязанностей, которое не соответствует интересам недобросовестного лица, заявившего требование о том или ином их изменении.

Соглашаясь со сторонниками допустимости совокупного применения ст. 1, 10 и 168 ГК РФ, необходимо признать возможность оспаривания сделок не только по основанию наличия недобросовестности, но и в связи с неразумностью поведения участников гражданского оборота, поскольку требование разумности²⁵, подобно требованию добросовестности, в ряде

²² Волков А. В. Указ. соч.

²³ См.: Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 89.

²⁴ См.: Егорова М. А. Содержание категории «отказ в защите права» как санкции за злоупотребление правом // Гражданское право. 2014. № 5. С. 10–14.

²⁵ Требования разумности и добросовестности выступают самостоятельными критериями оценки поведения субъектов гражданского оборота, при этом разумность трактуется как осмысленность (рациональность), логичность и целесообразность поведения субъекта (см.: Российское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные пра-

случаев установлено законом (см. п. 4 ст. 450, п. 4 ст. 450.1 ГК РФ). Более того, возможность оспорить сделку возникла бы и в случае противоречия поведения сторон принципу содействия в исполнении обязательства (п. 4 ст. 307 ГК РФ), что вряд ли можно признать обоснованным, но что, однако, полностью укладывается в логику рассуждений выше цитируемых авторов – сторонников признания сделок недействительными по основанию недобросовестного поведения²⁶.

С точки зрения политики права или, иными словами, практических соображений, интересов оборота, допустимость совокупного применения ст. 1, 10 и 168 ГК РФ также вызывает определенные возражения.

Как указывалось п. 1 §2 Концепции совершенствования общих положений ГК РФ, в содержание ст. 168 ГК РФ должны быть внесены уточнения, направленные на ограничение ситуаций, при которых сделка являлась бы ничтожной как противоречащая закону, поскольку имеют место случаи, когда несоответствие сделки тем или иными положениям закона не может выступать основанием для столь существенной негативной оценки данной сделки со стороны правопорядка, как признание ее ничтожной²⁷. По мысли разработчиков Концепции, именно действующее на момент реформирования общее правило о ничтожности каждой противоречащей закону сделки подрывает стабильность и предсказуемость гражданского оборота. В связи с этим предлагалось в рамках ст. 168 ГК РФ уточнить, что ничтожной является сделка, нарушающая запрет, прямо выраженный или вытекающий из закона, а также что судебным правоприменительным органам предоставляется возможность толковать волю законодателя и приходить на основе смысла закона к выводу о том, что сделка является оспоримой, хотя бы данный вывод не следовал из текста закона (п. 2). Аналогичное положение содержалось в Концепции развития гражданского законодательства: чтобы не допустить дальнейшего разрушения стабильности гражданского оборота, изменение законодательства должно быть направлено на сокращение легальных возможностей признавать сделки недействительными во всех случаях, когда недействительность сделки как гражданско-правовая санкция яв-

ва. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М., 2011. С. 400).

²⁶ На позиции о возможности отказа в защите права по основанию неразумности поведения стоит Е. Е. Богданова. Исходя из положения о презумпции разумности и добросовестности поведения (п. 5 ст. 10 ГК РФ), автор приходит к выводу о том, что «отсутствие разумности может быть основанием для отказа в защите права тогда, когда субъект демонстрирует явную неспособность к разумному ведению дел, отсутствие опытности, что является как неразумным, так и недобросовестным по отношению к своим контрагентам, третьим лицам. То есть когда неразумности действий лица сопутствует его недобросовестность» (Богданова Е. Е. Принцип разумности в гражданском праве Российской Федерации // Адвокат. 2013. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

²⁷ Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 4. С. 61–62.

ляется неоправданной и явно не соразмерной характеру и последствиям допущенных при совершении сделки нарушений (п. 5.2.1)²⁸.

Руководствуясь подобными намерениями, законодатель, заменив в ст. 168 ГК РФ действовавшее ранее правило о ничтожности сделок на правило оспоримости не соответствующих закону, иному нормативно-правовому акту сделок (п. 1), указал при этом на то, что сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспори-ма или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки (п. 2).

Не вдаваясь в подробный анализ избранного законодателем решения на предмет его соответствия теоретической природе ничтожных сделок и сделок, не соответствующих закону как их разновидности в частности, отметим лишь, что измененная редакция стала итогом борьбы с бесконтрольным оспариванием сделок сторонами договора, стремящимися уйти от исполнения возложенных на них обязательств, провозгласила принцип «нерушимости сделок»²⁹. С учетом изложенного не ясно, почему при подобной стратегии законодательных изменений на уровне судебной практики сохранился или, как отмечается в литературе, легализовался подход, допускающий признание недействительными сделок по такому весьма субъективному и разноплановому основанию, как недобросовестность. По справедливому утверждению В. А. Белова, подобный подход способен усугубить имевшую место до реформы гражданского законодательства практику безграничного оспаривания сделок, добавив к числу оснований недействительности сделок недобросовестность поведения участников гражданских правоотношений, которая позволит признать недействительной «любую – без преувеличения, абсолютно любую, без всяких исключений! – сделку»³⁰.

Допущение существования такого подвижного, гибкого основания недействительности сделок, как недобросовестность, в определенном смысле, с учетом обстоятельств конкретных дел, может быть действительно полезно в деле защиты прав и охраняемых законом интересов как сторон сделки, так и третьих лиц, публичного порядка в целом. Однако любое признание сделки недействительной влечет потерю ей юридической

²⁸ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации : одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11. С. 20.

²⁹ См.: Андреев В. К. Сделка и ее недействительность // Юрист. 2014. № 1. С. 10.

³⁰ Белов В. А. «Двадцать пятое» постановление Пленума : толкование или... законодательство? // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Схожей позиции придерживается и Е. М. Ванюкова (см.: Ванюкова Е. М. Может ли злоупотребление правом быть основанием для признания сделки недействительной? // Закон. 2013. № 36. С. 131–139).

силы (в случае оспоримости) или констатацию ее изначального отсутствия (в случае ничтожности), а значит, представляет собой весьма существенное вторжение в динамику гражданских правоотношений, следовательно, требует от законодателя предельной четкости в формулировании оснований такого признания, их исчерпывающего и недвусмысленного перечня.

Следует признать, однако, что проблема, возникшая на уровне правоприменения и поставленная А. Г. Карапетовым в виде существования явно несправедливых и вредоносных сделок, которые невозможно признать недействительными ни по одному из формально закрепленных оснований, в самом деле, актуальна. Вместе с тем с учетом изложенного есть основания указать на возможность существования другого, более как теоретически, так и формально-юридически, практически подходящего основания недействительности сделок в виде их противоречия существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательств. Данное основание ничтожности сделок было формально легализовано Верховным Судом РФ в п. 74 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 и, как следует из анализа правоприменительной практики³¹, имеет большой правозащитный положительный потенциал, способно гарантировать общее соответствие заключаемых участниками гражданского права соглашений не столько конкретным императивным предписаниям, сколько общему вектору, направлению российского законодательства. Вместе с тем выполнение рассмотренным основанием ничтожности гарантирующей функции в рамках общего института недействительности сделок возможно только в условиях однозначного определения того, что понимается под существом законодательного регулирования и на что правоприменителю при квалификации договора или его условий как ничтожных следует обращать первостепенное внимание.

Законодательное регулирование выступает одной из форм правотворчества – государственной деятельности, направленной на создание правовых, в частности законодательных норм, их дальнейшее совершенствование и прекращение действия. Любое законодательное регулирование того или иного явления, если оно претендует на эффективность, должно выступать не простой совокупностью субъективных правовых предписаний, а системой норм, отражающих потребности и интересы общества, объективные закономерности его развития. Это предполагает, что существо (иначе – содержание) законодательного регулирования того или иного правового явления следует определять на основе таких глубинных характеристик этого явления, которые отражают объективный характер

³¹ Об этом см.: Определение Верховного Суда РФ от 21 ноября 2016 г. № 305-ЭС16-9281 ; Апелляционное определение Челябинского областного суда от 8 декабря 2015 г. по делу № 11-13828/2015 ; Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 20 октября 2015 г. по делу № 33-18156/2015 ; от 22 сентября 2015 г. по делу № 33-15250/2015 ; Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 6 июня 2017 г. по делу № 33-4949/2017.

его законодательного формирования. В качестве «ориентиров», позволяющих выявить существо законодательного регулирования, могут выступать, в частности, правовые принципы, особые характеристики правовых явлений, причины их нормативного закрепления, их правовая, социальная и экономическая ценность, цели их регламентации.

Сделки, совершенные на аномально несправедливых условиях, а также сделки, характеризуемые как акты злоупотребления доверием и зависимым положением, а также эксплуатацией неопытности в делах, выделяемые в качестве сделок, которые можно оспорить на основании их противоречия принципу добросовестности, нарушения ими запрета на злоупотребление, исходя из приведенного содержания основания ничтожности в виде противоречия существу законодательного регулирования, могут быть признаны ничтожными как противоречащие принципам равенства участников гражданских правоотношения³², недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (п.1 ст.1 ГК РФ)³³.

То же касается сделок, совершенных во вред кредитору, которые могут быть признаны ничтожными как противоречащие существу законодательного регулирования соответствующих обязательств, а именно принципу неприкосновенности собственности³⁴ (п. 1 ст. 1 ГК РФ).

Нельзя отрицать, что вопросы определения существа законодательного регулирования того или иного вида отношений находятся в сфере теории права и теории гражданского права, а поэтому требуют особых доктринальных знаний в части выражения судебной позиции – особой судебной мотивировки, объяснения судом своей позиции. Однако, по приведенным соображениям, касающимся назначения требования до-

³² Принцип равенства участников отношений, регулируемых гражданским законодательством, как отмечается в литературе, состоит в гарантированном правопорядком равном положении участников гражданского оборота, отсутствии преимуществ у кого-либо из них вне зависимости от личных качеств или общественного статуса и обеспечении им возможности свободной взаимной оценки мотивов и предпосылок для участия в гражданских правоотношениях (см.: Гражданский кодекс РФ : постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / Б. М. Гонгалов [и др.] ; под ред. П. В. Крашенинникова.

³³ Принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела обеспечивает защиту частной жизни гражданина и основывается на положении п.1 ст. 23 Конституции РФ, гарантирующего права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (см.: Гражданский кодекс РФ : постатейный комментарий к главам 1–5 / А. В. Барков [и др.] ; под ред. Л. В. Санниковой. М., 2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

³⁴ Принцип неприкосновенности собственности в правовой литературе определяется как элемент конституционного статуса гражданина и правоспособности организаций, состоящий в гарантированной возможности накапливать, обособлять и защищать свою имущественную сферу предусмотренными законом способами (см.: Гражданский кодекс РФ : постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / Б. М. Гонгалов [и др.] ; под ред. П. В. Крашенинникова).

бросовестности, противоречие существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательств как одна из форм противоречия закону и иному правовому акту (ст. 168 ГК РФ) выступает как доктринально, так и политически более подходящим средством устранения сделок, оспаривание которых предлагается в настоящее время осуществлять при помощи ссылки на ст. 10 ГК РФ.

*Юридический институт Томского
государственного университета*

*Гончарова В. А., аспирант кафедры
гражданского права*

E-mail: leran@sibmail.com

Тел.: 8-923-419-38-34

*Law Institute of Tomsk National Re-
search State University*

*Goncharova V. A., Post-graduate Stu-
dent of the Civil Law Department*

E-mail: leran@sibmail.com

Tel.: 8-923-419-38-34